

«Своим отказом играть по правилам этот роман напоминает
раннего Иэна Макьюэна».
—The New York Times Book Review

СЕСТРЫ

Содержит
цензурную
брань!
18+

ДЭЙЗИ ДЖОНСОН

Литературные хиты: Коллекция

Дейзи Джонсон

Сестры

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Джонсон Д.

Сестры / Д. Джонсон — «Эксмо», 2020 — (Литературные хиты: Коллекция)

ISBN 978-5-04-116105-7

Рожденные с разницей всего в десять месяцев, Июль и Сентябрь неразлучны, они не нуждаются ни в ком, кроме друг друга. После инцидента с травлей в школе девочки вместе с матерью перебираются в большой семейный дом на побережье, который долго пустовал. В новой жизни, такой далекой от всех и всего, Июль обнаруживает, что характер их отношений с сестрой постепенно меняется неожиданным образом. В доме поселяется атмосфера страха и тревоги. Девочки расширяют границы дозволенного в своих играх до тех пор, пока не вызывают цепочку шокирующих событий, которые предшествуют пугающим открытиям об их прошлом и будущем.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116105-7

© Джонсон Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	6
Сентябрь и Июль	6
Июль	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дейзи Джонсон

Сестры

Моим сестрам: Полли, Киран, Сарват и Джесс

Моим братьям: Джейку и Тому

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Моя сестра черная дыра.

Моя сестра торнадо.

Моя сестра конечная станция моя сестра дверь на замке моя сестра выстрел в темноте.

Моя сестра меня ждет.

Моя сестра дерево что упадет.

Моя сестра глухое окно.

Моя сестра вилочка моя сестра ночной поезд моя сестра последний пакет чипсов моя сестра лежащая забастовка.

Моя сестра лесной пожар.

Моя сестра тонущий корабль.

Моя сестра последний дом на улице.

Часть первая

Сентябрь и Июль

Дом. Ломтиками через изгородь, за полями. Грязно-белый, окна утоплены в кирпич. Рука в руке, на заднем сиденье, полоска света из люка в крыше. Мы вдвоем, плечом к плечу, дышим одним воздухом. Дорога дальняя, вверх по вене страны, катим по Бирмингемской кольцевой, мимо Ноттингема, Шеффилда и Лидса, пересекаем Пеннины. Этот год мы мечемся. Чего? Этот год, как любой другой, мы без друзей, мы нужны только нам самим. Этот год мы ждали их под дождем, у старых теннисных кортов. Голоса по радио: «Ожидается повышение температур, идущее с Юга... Полиция в Уитби». Шух-шух-шух маминых рук на руле. Наши мысли, словно ласточки. Нос машины вздымается и опускается, словно лодка. Где-то там, вдалеке, море. Натягиваем одеяло на головы.

В этот год что-то другое будет пугать нас.

* * *

Дорога ответвляется и пропадает из виду, дрожь-дрожь-дрожь, при съезде с асфальта на землю. Мама плачет? Я не знаю. Нам спросить? На это нет ответа, и – все равно – наш дом теперь там, и нет времени возвращаться, или заново пробовать, или что-то переделывать. В этот год мы живые дома, свет горит в каждом окне, двери никогда толком не закрыты. Когда одна из нас говорит, мы обе чувствуем, как слова шевелятся у нас на языках. Когда одна из нас ест, мы обе чувствуем, как еда скользит по нашим глоткам. Ни одна из нас не удивилась бы, узнав при вскрытии, что у нас общие органы, что чьи-то легкие дышали за двоих, что одно сердце билось двойным, лихорадочным пульсом.

Июль

1

Мы на месте. Вот он.

Этот дом, в который мы приехали. Этот дом, который мы поехали искать. На прибрежной стороне топей Северного Йоркшира, совсем рядом с морем. Наши губы, с которых мы слизывали соленый налет, высохли и потрескались, руки-ноги ломит, они налились тяжестью. Руль закипает, дорога злобно блестит. Мы ехали много часов, схоронившись на заднем сиденье. Садясь в машину, мама сказала, давайте успеем до ночи. И долго ничего больше не говорила. Мы догадываемся, что бы она могла сказать: «Это вы виноваты», или: «Нам бы никогда не пришлось уезжать, если бы вы не сделали того, что сделали». А имеет в виду она, разумеется: если бы мы не родились. Если бы мы вообще не родились.

Я тесно складываю руки. Еще не знаю, откуда накотил страх, знаю только, что он безразмерный. Вот дом. Сажусь на корточки, как маленькая, у сланцевой стенки, а за ней пустое овечье поле, на котором полно старых какашек и колючих кустов в человеческий рост. Я толкаю дверь, и порыв застойного воздуха встречается со свежим. Пахнет навозом. Живые изгороди разрослись, через бетон пробиваются трава и сорняки, узкая полоска сада перед домом завалена всяким барахлом, древними лопатами без ручек, пластиковыми сумками, побитыми горшками для растений с почти живыми клубнями. Сентябрь залезла на неровную стену сада и балансирует, сжав зубы в некое подобие усмешки. Окна зарешечены отражением ее фигурки и моего лица за ней, глаза как пещеры, а еще дальше наша мама опирается в изнеможении на капот.

Белые стены дома изгвазданы грязными отпечатками рук с пустотой в центре, верхний этаж просел, прижав нижний, словно ладонь, прогнутая кулаком. У стены громоздятся леса, на дороге валяется разбитая черепица с крыши. Я тянусь к руке Сентябрь и думаю, смогла бы я вцепиться зубами в кожу и узнать через этот контакт, о чем она думает. Иногда у меня получается. Без особенной определенности, но с немым гулом осознания. Как когда мама включает приемники в разных комнатах, и один из них вещает с легким отставанием, и можно стоять в коридоре между ними и слушать, как они эхом вторят друг другу; но Сентябрь уклоняется, вереща, как сорока.

Я выуживаю салфетку из глубин кармана и сморкаюсь. Солнце уже начинает заваливаться, но все еще жжет мои голые плечи. У меня в кармане леденцы от кашля, облепленные пухом. Я втягиваю один губами и кладу за щеку.

На стене дома табличка, заросшая грязью. Я тру ее салфеткой, пока не проступают слова: ДОМ ГНЕЗДО. Мы еще никогда не жили в доме с именем. Никогда не жили в доме, который бы выглядел так, как этот: потрепанный, перекошенный, весьвгрязи. Сентябрь изгибается всем телом. Я быстро моргаю пять раз, чтобы она не упала, а если упадет, чтобы приземлилась, как кошка.

Я снова смотрю на маму. Она отстраняется от машины; ее тело выглядит неподъемной ношей. Она такая все время – неразговорчивая, молчаливая, – после того, что случилось в школе. Всю ночь мы слушали, как она ходит над нами в оксфордском доме. Она говорила нам только простые фразы, почти не встречаясь с нами глазами. Она другой человек в знакомом теле, и мне хочется, чтобы она к нам вернулась. Она распахивает калитку носком ботинка.

Помоги мне, говорит она, проходя мимо. Урса сказала, ключ под лягушкой.

Мы ищем лягушку. Земля кишит насекомыми. Я выкапываю червяка и впадаю в панику от того, как он шевелится в руке, так мягко, податливо.

Хватит валять дурака, говорит мама, и мы всматриваемся в траву, согнувшись в три погибели, пока я не нахожу, не нащупываю пальцами каменную лягушку, толстогубую, лупоглазую, почти заросшую травой. Мама переворачивает ее ботинком и издает стон – ключа нет. Ну еще бы, говорит она. Еще бы, и три раза стучит кулаками по бедрам.

Вдалеке, за полем, майские облака налились сталью и начали сбиваться вместе, зловеще набухая. Я указываю, говорю: «Смотрите».

О'кей. Быстро. За дело.

Мы сваливаем сумки в кучу и подбираем пустые горшки, шурудим ногами по грубой траве. Я нахожу в грязи монеты. Дом сбоку огибают тропа и сад с брусчаткой, наваленной вдоль стен, трава вытоптана до грязи, грабли стоят без дела. То, что, вероятно, было барбекю с кучкой золы внутри кирпичного очага. В стены дома вставлены ракушки, заделаны в бетон, а земля усыпана песком, вперемешку с морской галькой. Я смотрю в одно из окон. Сквозь зеркальное стекло: сумрачные очертания стен, полок; возможно, кладовка. Я плюю на ладонь и тру. Светлеет квадрат дверной рамы, а за ним неверные тени, то ли дивана, то ли стола, чего-то вроде первого лестничного пролета. Рядом со мной Сентябрь вжимает лицо в стекло, приставив к нему ладони, сладкий запах духов, которые мы украли из «Бутс» рядом со школой, запах ее нечищенных зубов. Она выкатывает на меня глаза, крутит языком, щипает меня за руку. Мое лицо выглядит криво, перспектива смещена, щеки длиннее, чем надо, глаза узкие, как щели для монет в автоматах на парковке.

Я похожа на маму. Или на ее маму, как она говорит, нашу бабушку, в Индии, где мы ни разу не были. Сентябрь на нас не похожа. Мы не помним нашего отца, но она должна походить на него, гладковолосая, светлый пушок на нежных щеках, бледноглазая, как снежное животное.

Обрывки сведений о нем кап-капают по капле в год и редко когда достаются без боя. Он познакомился с мамой, когда ей было двадцать три и она отдыхала в Копенгагене, где он жил в то время. Он три дня ходил за ней по городу. Она нам говорила, это в его духе. Его английский был безупречен – он вырос здесь, – но ему нравилось говорить с ней по-датски, ему было приятно, что она его не понимает. Это тоже было в его духе. Он умер. Как же он умер? Мы спрашивали четыре года, прежде чем она раскололась. Он утонул в бассейне отеля в Девоне. Они не были вместе, когда он умер, и мы трое – Сентябрь, примерно пятилетняя, я, чуть младше, – жили где-то еще. Прошел почти год, прежде чем его сестра позвонила и сказала ей, что он умер. Мы научились не спрашивать о нем. У нас нет слов, чтобы описать его. Мы его не знали. Сентябрь как-то раз сказала маме, что он был ушлыйбандожуликуспройдоха, и она рассмеялась и сказала, что это правда, но затем притихла на несколько часов, приняв такой вид, к которому мы привыкли потом. Каждое третье-четвертое Рождество его сестра, Урса, приезжает к нам, и мы с Сентябрью иногда пытаемся выведать что-нибудь у нее, но она никогда не раскалывается. Урса водит кабриолет, никогда не приезжает больше чем на день, чаще останавливается в отеле, чем у нас. У нее короткие светлые волосы, поэтому, когда мы внезапно видели ее со спины, мы иногда были уверены, что она – это он; давно потерянный отец, причина маминой печали и нашего существования. Этот дом на болотах ее, но она сдает его, сама тут не живет, заполняет его людьми вроде нас, которые не знают, куда им податься.

Мы идем вдоль стены дома – ветер чуть крепчает – и находим еще окно, не большое, но на вид расшатанное, нажимаем на него, и оно открывается внутрь.

Перед домом мама с камнем с ближайшего поля, готовая бросить его в стеклянную панель рядом с дверью. Я поднимаю руки, чтобы закрыть уши. Кровь такая бум-бум-бум, и тревога захлестывает мой костный мозг и змеится вверх по горлу.

Там открытое окно, вопит Сентябрь. Я думаю, мы пролезем. Мама поворачивает к нам каменное лицо, рот стянут книзу и будто вырезан на коже.

Комната, в которую ведет окно, это кладовка. Мы держимся за руки, забравшись внутрь. Под окном грязный плиточный пол, сколотый у влажной стены. Деревянные полки. Какие-то консервы, с супом и бобами, пара пачек сомнительных спагетти. Чем-то пахнет, сладковато, но с отдушкой, которую я затрудняюсь определить. Потолок низкий, и голая лампочка стучается о мою голову.

Сентябрь напевает, как обычно, когда взвинчена и хочет, чтобы я это знала. Ее напевы могут значить уйму всего. Привет, ты где / Иди сюда / Перестань / Я на тебя зла. Я понимаю, что боюсь этого дома и того, что мама сердится и что Сентябрь злится. Мы здесь уже были, всего раз, но я слабо это помню.

Что это? Говорю я.

Что?

Этот запах.

Я не знаю. Мертвая мышь?

Не говори такое.

Через дверь кладовки нам видно коридор за ней; налево главный вход, а рядом другая закрытая дверь, ведущая, наверное, в ванную. Впереди лестница, а направо еще дверь, а прямо на нас смотрит гостиная. Планировка дома кажется неправильной, интуитивной, кладовка выходит в гостиную, вот так просто. Въевшийся запах давнишней еды. Жильцы все время ели в гостиной. В углу комнаты что-то скукожилось, бесформенное, какая-то ткань. Я сжимаю руку Сентябрь. Не может быть, что мы здесь, и не может быть, что мы здесь останемся. На столе, который ближе к нам, лампа, и я тянусь к ней. Я что-то задеваю, и оно падает со стола. Мои внутренности наполнили пчелы. Включился свет, тонко жужжа.

Ничего там нет, говорит Сентябрь. Не волнуйся, Июль-пчелка.

Она ходит по комнатам и нажимает выключатели. Все слегка ярковатое, словно лампочки не совсем подходят к патронам. Пахнет чем-то горелым, и, заглянув в одну из ламп с глубоким плафоном, я вижу массу паутины, с кучкой мертвых мух. На диване и кресле убогие покрывала, кофейный столик с парой кружек, под ним стопка газет. Под деревянным кожухом дровяная печь с грязным ковриком перед ней. В маленькое окошко едва проникает свет. Потолок низкий и с балками. Будь мы чуть повыше, пришлось бы пригибаться. За лестницей пустые книжные шкафы. То, что я сшибла со стола, валяется на полу, выглядывая из-под дивана. Я подбираю это и вижу грязь на руке. Это стекло, криво отбитое. Сентябрь обхватывает меня руками за талию и кладет подбородок мне на плечо.

Не волнуйся, смотри, это муравьиная ферма.

Я поворачиваю стекло другой стороной. Она права. Две стеклянные пластины образуют узкую коробку, заполненную грязью. Там туннели, шахты, канавки, идущие сквозь землю, осыпавшиеся сами на себя, когда мы двигаем стекло.

Я разбила ее, говорю я и чувствую – густо, плотно, неизбежно, – каково это, жить в грязи, прогрызая себе путь зубами.

Мы можем ее починить, говорит она. Найдем где-нибудь изоленту. И муравьев, чтобы засунуть туда.

Стук в дверь, это мама напоминает. Я иду открыть ей. Лицо у нее такое уставшее, словно она не спала неделю. Зима была долгой, плохое Рождество заранее обещало паршивую весну. Драка в школе была в марте, на мокром заброшенном теннисном корте, грязь на наших голых ногах и моих руках, выглядевших так, словно они чужие. После этого мы пробыли в Оксфорде еще два месяца, а теперь уже май, штормы сменились жарой. Я хочу коснуться маминого лица, чтобы она обняла меня, как когда мы все спали на двуспальной кровати. Но она проталкивается мимо меня, сжав челюсти, и сумки из ее рук валятся на пол. Я тоже чувствовала усталость, с тех пор как мы ушли из школы; бывают дни, когда мне кажется, как будто я ношу второе тело,

наброшенное на плечи. Я хочу сказать ей это, чтобы она сказала, что чувствует то же и знает, как сделать, чтобы мне легче было.

Мы смотрим, как она поднимается по лестнице. Сентябрь свистит сквозь зубы и произносит ее имя – как она делает, когда хочет позлить ее, – тихо так, Шила, и на миг кажется, что она вот-вот развернется и спустится, но она продолжает подниматься, топая по деревянным ступеням. Она держит под мышкой свое одеяло, а другой рукой прижимает к себе рабочую папку. Мы стоим и слушаем ее шаги, пока она не закрывает дверь. Она и раньше бывала грустной, но это что-то другое. Это хуже.

Она такая сердитая, говорю я. Я чувствую, как Сентябрь начинает злиться.

Она не будет сердитой вечно, говорит она.

Может, и будет.

Не на тебя же, говорит Сентябрь и дергает меня за косу, так что на глазах выступают слезы.

Самая дальняя дверь от входа ведет в маленькую кухню-столовую. В раковине немытые противни, сбоку сухарный мешок и кружки. Под потолком окошко. Я неловко забираюсь на стойку и тяну за ручку, но без толку – рама, как я вижу, наглухо закрашена, в мягкое дерево вбиты гвозди для надежности. Я спускаюсь. К холодильнику приклеены желтые заметки – я узнаю почерк Урсы по открыткам на дни рождения – и магнитные буквы «А» и «И». Читать заметки кажется неприличным, но я читаю, подавшись вперед, выискивая какое-нибудь тайное послание или другие сведения, чтобы показать Сентябрь. Но там только о мусорных днях, о задней двери, которая заедает, и список того, что нельзя класть в огонь. Вся кухня такая чумазая, что хочется чесаться. Я открываю кран, пока вода не становится холодной, и тру руки, но даже вода кажется нечистой, скользкой. Сентябрь свистит мне от двери, несколько нот, и я пробуждаюсь.

Порядок, Июль-пчелка?

Да.

Рядом с кладовкой ванная комната с ванной и туалетом. Сентябрь тянет за шнур выключателя галогенной лампы. Похоже, здесь кто-то был, и не так давно: след мыла на грязной раковине, в ванне валяется пара бутылочек шампуня, на полу пятно, возможно, от макияжа.

Чье это все? Говорю я, сдвигая мыло ногтем большого пальца и чувствуя тошноту.

Не знаю. Какого-нибудь жильца Урсы. Я слышала, как мама говорила с ней по телефону, думаю, она их вышвырнула, чтобы пустить нас.

Сколько мы здесь пробудем?

Чего ты меня спрашиваешь? Сентябрь дуется, а затем, непонятно зачем, нас зовет мама.

Мертвая кожа, говорю я, проводя пальцем по краю раковины, и Сентябрь злобно смотрит на меня и быстро уходит за дверь.

Я чувствую, мои зубы заросли от долгого пути, от сэндвичей с сыром и луком, которые мы купили на автозаправке. Я вдруг вспоминаю, что мы забыли зубные щетки, стоявшие на раковине в старом доме, в доме, в который мы уже не вернемся. Я иду в гостиную, сказать это Сентябрь, но она наверху; я слышу, как она ходит. В муравьиной ферме смещается немного грязи, словно что-то там пошевелилось. Веет теплым воздухом из-под входной двери и из дымохода. Я хочу услышать свой голос в этих светлых стенах. Ощущение такое, что в этой комнате только что делали какие-то дела. Я произношу имя Сентябрь так тихо, как только могу, но все равно выходит слишком громко. Я чувствую все комнаты позади меня. Невозможно увидеть все части дома сразу; я заглядываю в кухню и кладовку, но там пусто, не считая стрелок тусклых лампочек. Я быстро поднимаюсь по лестнице, перешагивая через две ступеньки. За мной что-то движется, наступая на пятки. Только, когда наверху я оглядываюсь, там ничего.

В узкий коридор выходят три комнаты. Ближайшая – это спальня с двухъярусной кроватью, задвинутой в угол, другой мебели нет. В прошлый раз здесь не было двухъярусных кроватей, мы спали – я думаю – на матрасах на полу. Какие-то вещи я помню, а какие-то стали другими. Я нигде не вижу Сентябрь, и вдруг она сидит на верхней кровати и смеется надо мной. Кровь давит мне на горло.

Куда ты ушла? Голос у меня высокий, как свисток браконьера. Часто – с юных лет – я жду, что она бросит меня, пойдет своим путем.

Я ушла сюда, говорит она. Хотела посмотреть, где мы спали. Смотри. Она держит потерянный бинокль.

Что это?

Ты заешь что.

Я вспоминаю, как мы однажды нашли мятую фотографию с папой, в бардачке крутой тачки Урсы; ему там было лет десять, и у него на шее был бинокль. Он мне чуть руку не сломал из-за него, сказала Урса, вытягивая фото из цепких рук Сентябрь, когда поймала нас.

На стенах следы от старых постеров, над дверью висят часы. Кровати узкие, как скамейки. Сентябрь соскальзывает по лесенке и взмахивает руками: та-да.

Иногда я думаю, что могу вспомнить те дни, когда мы были такими маленькими, что спали в одном спальном мешке, размахивая четырьмя руками над головами, видя мир из одной точки. Я тогда не могла говорить, но я думаю, мы все равно понимали друг друга. Мне хочется, очень хочется, чтобы теперь было так же. Или, когда мы были постарше, и она переваливалась через край манежа и падала на пол, и орала мне, чтобы я сделала то же, пока не приходила мама и не возвращала ее обратно или брала нас к себе в кровать, и тогда наши руки сплетались, мамина грудь упиралась нам в щеки, глаза Сентябрь были так близко к моим, что мне было видно каждую плакучую ресничку. Я говорю Сентябрь: «Ты бы хотела, чтобы так было? Хотела бы, чтобы так было и сейчас?» А она говорит, не знаю, о чем ты, Июль.

Мы крадемся мимо маминой закрытой двери, но оттуда ничего не слышно. Нам уже случалось подслушивать за этой дверью. Она может спать. Мы открываем третью дверь по коридору. Это сушильный шкаф. Там огромный пузатый бак для воды и сложная система управления для отопления и горячей воды. На полу мышеловки, но в них ничего. Мы стоим, рассматривая кнопки. Мы слышим бурление внутри бака. По жестяной крыше барабанит дождь. Я думаю, что могла бы услышать сквозь ладонь Сентябрь медленное движение ее мыслей, если бы хорошенько прислушалась, фырканье слов. Я вспоминаю последние несколько недель в школе. Часто шел дождь, заливая канавы, стекая в три ручья по окнам. По пути сюда мы увидели из окна машины мертвого барсука. Лица других девочек. Есть только одна причина, почему мы покинули дом в Оксфорде и приехали сюда, и, хотя это была идея Сентябрь – затащить тех девчонок на теннисный корт, чтобы проучить их, просто припугнуть, – это не Сентябрь виновата, что мы теперь в Гнезде. В этом виноват только один человек.

Сентябрь нажимает по приколу кнопки на бойлере вразнобой. У нее на шее все еще висит бинокль, который качается, когда она двигается. Из-за стены доносится протяжный стон.

Не думаю, что это было правильно.

Пол слегка дрожит у нас под ногами.

Может, и неправильно, говорит Сентябрь. Пошли вниз, я хочу есть.

Мы устраиваем набег на холодильник, но там ничего такого. Консервы в комнатке за дверью давно просроченные, выгнутые, словно их продавили.

Давай займемся чем-нибудь другим, говорит она.

Дождь хлещет по окнам сбоку. Мы разлеглись на полу гостиной, на животах, и Сентябрь говорит, в какие цвета мы покрасим наши стены, какие постеры повесим. Я слушаю вполуха. У

меня снова это ощущение, словно здесь идет какая-то невидимая жизнь. Сентябрь поднимает бинокль к лицу и подкручивает линзы.

Я засовываю голову в кладовку и хватаюсь за шнур выключателя. Лампочка качается в маленьком пространстве, освещая то одну стену, то другую, каждый раз выхватывая полки из тени. Я разглядываю консервы, не желая заходить внутрь, и тут лампочка щелкает и взрывается, снова погружая комнату во тьму.

Сентябрь находит пирог с курицей в морозилке на кухне, и мы решаем попытаться разогреть его. В ожидании мы смотрим на ноутбуке старые интервью Января Харгрейв. В то же время я пытаюсь услышать, как спускается мама, чтобы простить нас. Простить за все.

Не думаю, что мы должны здесь оставаться завтра, если не будет Интернета, говорит Сентябрь.

Мы совсем забыли про пирог. Я держу его над ведром, а Сентябрь пытается соскрести сгоревшую корочку с его верхушки.

Я его поджарила.

Ничего.

Только разрезав его, мы понимаем, что внутри он сырой. Я сплевываю розовые ошметки курятины в ладонь Сентябрь. Она даже не хочет пробовать. Мы соскребаем все в ведро.

Я не хочу опять идти в кладовку, и Сентябрь вздыхает и погружается в темноту, откуда выходит с полными руками мятых консервов. Мы находим одну жестянку с персиками, просроченную всего на год. Сентябрь пробивает крышку ножом и дает мне высосать сок из дырки. Меня охватывает такой голод, что ноги подгибаются. Я беру у нее нож и, наполовину вскрыв крышку, сую внутрь палцы и вылавливаю персики, которые глотаю не жуя.

Не хочешь?

Уже не голодная, говорит она.

Мы сидим на полу, хотя рядом диван. Ненадолго повисает тишина. Персиковый сироп зернистый. Сентябрь ставит альбом Дарси Льюис на своем телефоне, мы знаем все слова.

Она садится ровнее, говорит, я здесь родилась.

Что ты имеешь в виду?

Она не отвечает. По дымоходу проходит порыв холодного ветра, сквозняк. Мы слышим бойлер в стенах. Я поднимаюсь на колени.

Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что родилась здесь?

То и имею. Я здесь родилась. Я слышала прошлым вечером, как мама говорила по телефону с этим другом-букинистом. Мама сказала: «Вероятно, это даже та же кровать».

Я думала, мы обе родились в Оксфорде.

Я тоже думала. Но это относится только к тебе. Я родилась в этом доме.

Я поняла, что придавала этому какое-то значение, тому, что мы родились в одном месте. С разницей в десять месяцев, в той же больнице, возможно, на той же кровати; одна за другой. Сентябрь, а потом – так скоро, словно бы почти одновременно с ней, – я.

Маме не нравится этот дом, говорит она.

Почему ты так думаешь?

Просто знаю. Ей не понравилось, когда мы были тут в прошлый раз. Ты помнишь то лето, когда мы тут были? Дом не понравился ей тогда и сейчас не нравится.

Ты этого не знаешь.

Сентябрь скалится. Знаю.

Откуда?

Просто знаю. Из того, что мама сказала.

Что же она сказала?

Что больше некуда идти. Она приезжала сюда с ним и Урсой, когда я была у нее в животе. И потом, когда ей было грустно, говорит Сентябрь. Она раскидывает руки, охватывая низкую

гостиную, муравьиную ферму, чумазый кофейный столик, проем кухонной двери. Папа здесь родился, и я тоже. Я вспомнила.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, не врет ли она. Я знаю, что она иногда врет мне для прикола или чтобы посмотреть, раскушу ли я ее, а иногда она врет просто потому, что может, и я не знаю, почему еще. Я кладу жестянку от персиков в ведро. Вечер увядает.

Потом, в полусне – слышу, как Сентябрь шепчет мне в ухо, как мама плачет в комнате в конце коридора. В полусне – ее пальцы надавливают на контуры моего лица.

2

Сон глубокий, без углов, без сновидений. Я просыпаюсь и вижу свет сквозь занавески, перекатываюсь, снова задремываю. Я почти засыпаю, ворочаюсь, снова проваливаюсь в сон. Горло у меня сухое, как песок. Я глотаю и глотаю. Сползаю с кровати. Часы над дверной рамой: двенадцать. Полдня уже прошло. У меня зудит грудь, я опускаю глаза и вижу красные отметины вокруг грудины. Сентябрь нет на верхней кровати. Я спускаюсь в кухню и стою, опустив лицо под кран, хлебая воду большими глотками, а потом застываю и вслушиваюсь.

Сентябрь? Нет ответа.

Я иду в гостиную. Бардак с прошлого вечера, подушки, сваленные на пол, стаканы от воды, на подлокотнике дивана пристроился ноутбук.

Сентябрь стерегла мой сон. Нам было десять или одиннадцать. Я просыпалась от света из холодильника, который открывала во сне, или от холода из окна, которое распахнула, а рядом стояла Сентябрь, она клала руки мне на плечи и отводила назад в постель. Один год было совсем плохо. Грань между сном и явью истончилась. Я просыпалась от сна, в котором что-то свисало с потолка, и это все еще висело там, готовое упасть. Дни затопляла логика сна. Я думала, что потеряла что-то, и часами искала, выбиваясь из сил, то, чего у меня никогда не было. И рядом всегда была Сентябрь, она шикала на меня, когда я просыпалась с криком, и искала со мной таинственные пропажи. Я стала бояться. Я выросла с убеждением, что сон – это неведомая территория и если я открываю дверь и вхожу туда, ничего хорошего из этого выйти не может. Часто предполагаемые последствия касались Сентябрь. Если я засну, Сентябрь уйдет от меня. Если я засну, Сентябрь умрет от удара током, или утонет, или сгорит, или ее похоронят заживо. Мы много времени сидели в Интернете, пытаюсь развеять мои страхи. Страх, что тебя похоронят заживо, называется тафофобия; страх воды – аквафобия; страх электричества называется хормефобия. Я приучилась спать как можно меньше. Сны были дебрями, сны были болотами, сны были гробами, в которых был похоронен наш отец. К концу года этот страх начал проходить, и я снова смогла спать. Мы выработали особые приемы: погружать ступни в горячую воду, когда проснешься, чтобы смыть сны, расчесывать волосы перед тем, как лечь спать.

В прошлый раз мы были в этом доме как раз в тот год, когда я не спала. Мы приехали на сезон. Мама болела, пила по три таблетки в день, много спала. За год до того, как Сентябрь настояла, чтобы мы объединили наши дни рождения в один, и стало, в общем-то, не важно, сколько нам лет. Мы пошли на пляж, и мама спала на покрывале, а мы строили замки из песка и закапывали друг дружку по шею. Иногда мама окуналась в воду, и я держалась за нее спереди, а Сентябрь – сзади, и мы рассекали волны, глотая пену, визжа от холода. Иногда мы ехали в ближайший городок и ели втроем рыбу с жареной картошкой, сбрызнутой уксусом, с коркой соли. Дома мама втирала лимонный сок в волосы Сентябрь, чтобы они сияли еще ярче, чем обычно.

Мы играли в игры в темноте. Наши глаза привыкали к отсутствию света, и мы могли передвигаться по дому, ни во что не врезаясь; это была первая игра. Вторая игра называлась

«Сентябрь говорит» – мы ее присвоили¹ и переделали. Сентябрь водила, а я была марионеткой и должна была делать все, что она скажет. Если она говорила, Сентябрь говорит, встань на голову, или Сентябрь говорит, напиши на стене свое имя несмываемым маркером, я должна была сделать это. Если же она говорила то же самое, но без этой присказки, тогда я не должна была этого делать, а если случайно делала, то теряла жизнь. Как правило, у меня в игре было пять жизней, и, если я теряла их все, что-нибудь должно было случиться, причем каждую игру это было что-то другое, и оно всегда зависело от того, как Сентябрь себя чувствовала в тот день. Прикол был вовсе не в том, сколько у меня жизней и выиграла я или проиграла, а в том, чтобы просто играть.

Мы играли в «Сентябрь говорит» почти все время, когда были в Гнезде в прошлый раз. В дневное время мои задания были простыми: Сентябрь говорит, сделай толстуху. Сентябрь говорит, собери глаза в кучку. Обернись сейчас же, а то лишишься жизни. По мере того, как день убывал, задания становились сложнее: Сентябрь говорит, подстриги свои ногти и положи в молоко. Срежь все свои волосы. Сентябрь говорит, ляг под кровать и лежи час. Выбегни на дорогу. Сентябрь говорит, сложи всю свою одежду в ведро и встань перед окном. Продень эту иглоку сквозь свой палец.

Это была хорошая игра. Мы играли в нее все время, пока были в этом доме, но, когда уехали, это стало казаться неправильным, и мы перестали.

В какие-то дни маме было лучше, в какие-то – хуже. Мы обе привыкли подмечать это. Сентябрь говорила, ей бы хотелось, чтобы мамы не было с нами, чтобы были только мы, а мне нравилось, когда она была рядом, когда нас было трое. Мне нравилось в Гнезде, когда мы ходили гулять вдоль скал все вместе, и мама говорила названия растений, которые нам встречались, или рассказывала сюжет рассказа, который она задумала написать. Сентябрь больше всего нравилось, когда нас было только двое, а мне нравилось, когда мы шли втроем, взявшись за руки, и мама посередине качала наши руки.

Когда у мамы был плохой день, мы старались ей не попадаться; иногда она бродила по дому, словно ища чего-то, но однажды вечером мы играли и услышали, как она спустилась вниз и вышла из дома. Мы смотрели из окна, как она села в машину и уехала. Такое уже бывало раньше, так что мы знали, что она вернется.

Сентябрь говорит, притворись домом, сказала Сентябрь.

Я не была уверена, что делать, но села на колени, расставила руки и раздвинула ноги, и выгнула тело, пытаясь изобразить стены, и сложила ладони чашечками, изображая чердачные окошки, и стала махать рукой, показывая, как открывается и закрывается дверь. Я рассмеялась.

Сентябрь говорит, не смейся, сказала Сентябрь. Она забралась мне на колени и обвила себя моими руками, словно закрывшись стенами дома, и мы долго так сидели, хотя у меня все затекло и кололо. В какой-то момент дом отрастил ноги и скрылся от нее, а она погналась за ним.

Стемнело, и мы высматривали из окна машину, следя за фарами, возникавшими из-за холма.

Эти? Сказала я.

Нет, сказала она.

И через секунду: эти?

Нет, погоди, нет, не эти.

Мы притворялись деревьями, росшими сквозь пол дома, птицами на деревьях, мышами в стенах. Слушай, сказала потом Сентябрь, и мы подбежали к окну, и она была права, приближались фары, четыре глаза, выхватывая из темноты разные части дороги и полей. Мы смотрели, как они приближаются, а потом забрались на матрас в нашей комнате, натянули одеяло на

¹ Имеется в виду популярная в англоязычном мире детская игра «Саймон говорит».

головы и затаили дыхание. Мы видели четыре фары и слышали четыре ноги на лестнице, они затихли у нашей двери, а затем прошли к маминной спальне. Мы скатились на пол, выползли в коридор.

Мы долго слушали под ее дверью, шикая друг на друга, распластавшись на полу. Звуки были такими странными, словно мы подслушивали за какими-то животными неведомой породы. Я чуяла холодный пол под собой, у меня зудели колени. У меня слипались глаза, но, взглянув на Сентябрь, я увидела, что она не моргает, едва дыша. Как такое может быть, что в один миг ты ничего не понимаешь, а в следующий понимаешь все? Дом вбирал звуки и делал их громче, направляя на нас. Я подумала, что различаю мамин голос, но не была уверена; это могла быть другая женщина, которую мы не знали. И еще там был мужской голос.

К горлу подступил кашель, и я не сдержалась, Сентябрь схватила меня за руку, и мы встали и бросились к себе в спальню в постель, и лежали, не шевелясь.

На следующий день Сентябрь сказала, что все кажется другим, и я не могла решить, права она или нет. Она сказала, что это не маленькая перемена, а огромная разница.

Из окошка гостиной видно пожухлое небо, ленту ухабистой дороги, вьющейся вдаль, и верхнюю часть горы или холма, высившуюся над остальным пейзажем. Я думаю, хотя и не уверена, что слышу море, надеюсь, что мы отправимся к нему. Я стою босая, а пол такой холодный, словно камень. Хотелось бы мне, чтобы мы были в Оксфорде, где мы все время слышали, как у нас над головой работает мама у себя в студии, а Сентябрь стоит у открытой двери спальни и говорит, что пора вставать и смотреть затмение.

Мама, должно быть, спускалась ночью, потому что в доме появилось что-то из наших вещей: телик в дальнем углу гостиной, стопка книг у стены. Должно быть, мама и в магазине была – в кладовке появилась еда, то, что Сентябрь назвала бы пайком конца света: фруктовые и бобовые консервы, молоко длительного хранения. Дом не вызывает ощущения какой-то жизни, как вчера. Только ощущение пустоты. Словно меня все бросили, пока я спала. На кухонной стойке новые лампочки. Я вынимаю одну из коробки и держу в руке.

Сентябрь? Дом кричит вокруг меня, выпуская воздух. Я заглядываю в кладовку. Я думаю о том, как скажу Сентябрь, что сама поменяла лампочку, и протягиваю руку, чтобы выкрутить ее. Я беру ее в руки, но не поворачиваю. Я кладу новую лампочку на одну из полок, отодвигаю подальше от края и иду проверить, не включен ли выключатель. Из ванной доносится шум, и я тут же отвлекаюсь, а затем раздается звон разбитого стекла из кладовки. Из гостиной падает достаточно света, чтобы увидеть осколки новой лампочки на полу, рассыпанные в мою сторону. Я закрываю кладовку, иду к ванной, распахиваю дверь. Мои виски пронзает что-то вроде страха. В ванне Сентябрь с мокрой головой, выплевывает фонтанчик мыльной воды.

Где ты была? Говорю я. Я различаю отзвук отчаяния в голосе. Я звала тебя. Я разбила лампочку.

Она всплескивает руками и хлопает по воде, забрызгивая пол. Ты спала год.

Не год. Можно войти?

Я уже все, говорит она и поднимает ногу, с цепочкой от затычки на большом пальце. Вода шумно утекает. Устроим пирушку и посмотрим что-нибудь? Она вылезает из ванны.

Меня гложет обида, что она принимала ванну без меня. Дома мы часто лежали в горячей воде вместе, поставив на стул ноутбук, чтобы смотреть Дэвида Аттенборо или слушать древние выпуски «Дисков необитаемого острова»². Сентябрь любит, чтобы в ванне был кипяток, и есть при этом что-нибудь холодное: малиновое мороженое, «Магnum», которые часто соскальзывают с палочек. Я знаю тело Сентябрь лучше, чем свое. Часто – когда я гляжу на

² «Desert Island Discs» – музыкальная радиопрограмма, транслируемая на «BBC Radio 4» (англ.).

себя – я испытываю бездну смущения, а от зеркала – шок, потому что вижу там мое лицо, а не ее. У нее родимое пятно в виде свернувшейся змейки на взъеме левой стопы, на солнце ее кожа быстро краснеет, а на ключице у нее длинный черный волос, который мне ужасно хочется выдернуть, но она говорит, что отращивает его целую вечность. Я всегда буду думать, что тело Сентябрь гораздо интереснее моего. Я протягиваю ей полотенце. Она выглядит крупнее, чем в Оксфорде, словно занимает больше пространства. Я тычу ее в бедро. Почему ты меня не позвала?

Я не знаю. Так захотелось, наверное.

* * *

Сентябрь подбирает осколки лампочки совком и щеткой, и мы вкручиваем новую, а потом примеряем платье из карнавальной коробки, которую принесли из машины. Мы рисуем помадой вокруг губ большие улыбки и оставляем поцелуи на окнах. Мы барахольщицы; у некоторых платьев дырявые локти, протертые подмышки, пятна от еды на подкладке. Любимая пара туфель, которую мы надеваем по очереди, окончательно износилась. Я останавливаю выбор на платье с кружевной вставкой и тонкими блестящими рукавами и смотрю, как Сентябрь роется в коробке.

Нечего стоять и глазеть на меня, говорит она.

А что мне делать?

Иди осматривай кладовку.

Там турецкий горох, и шинкованные помидоры, и пакеты риса, но мне не хочется готовить. Лампочка горит ярче, чем должна, пять минут, а потом опять взрывается. Я задерживаю дыхание в темноте, пытаюсь не бояться. Я слышу шаги на лестнице и выхожу в гостиную, собираясь сказать Сентябрь о лампочке и продуктах. Это мама. Волосы у нее грязные, завязанные лентой на макушке. На ней масса одежды, хотя печка шпарит. Пижама ее испачкана, и она держит кружку и тарелку. Она спускалась ночью есть, чтобы не встречаться с нами. Вот в чем дело. Она останавливается на лестнице и смотрит на меня, а затем поворачивает голову, высматривая Сентябрь, которая уже не роется в коробке, а сидит на диване, не отводя взгляда от телика.

Мне нужно вымыть это, говорит мама после секундной заминки. Идем со мной на кухню?

Кухня слишком маленькая для нас троих. Сентябрь забирается на стойку и сидит с хмурым видом. Мама закрывает пробкой раковину и открывает кран. Глядя на нее, я вспоминаю вечер книжной презентации. На маме было золотое платье и красные туфли с бархатной лентой, обвивавшей голени. Щеки горели от вина, она обнимала нас обоих за плечи. В полночь она сняла туфли в пабе и стояла босая, разговаривая с кем-то из книжного магазина. Сентябрь придвинула лицо вплотную к моему уху и сказала: «Она выглядит богиней». Мы тогда любили ее, прилежно, нескончаемо, как, пожалуй, нечасто любим. В основном она просто где-то рядом. В основном она нам просто мать и не сильно отличается от мебели.

Дом бормочет вокруг нас. Вода кашляет из крана. Мама оставляет наши взгляды без внимания. Она моет и передает вещи мне, и я вытираю их и отдаю Сентябрь, чтобы она убирала их в буфет. Я хочу сказать маме, как мы сожалеем, правда, сожалеем о том, что случилось в школе и что, может, мы могли бы пойти вместе на пляж или поужинать. Я хочу, чтобы Сентябрь тоже это сказала, и когда я смотрю на нее, она пожимает плечами и говорит, мам...

Мне просто нужно немного времени, говорит мама. Я чувствую, как слова прорывают тишину. Я чувствую их руками и лицом. Мама откладывает полотенце и поворачивается к нам. Я всегда буду любить вас, говорит она. И если я вам нужна, вы знаете, где я. Но мне нужно немного времени. О'кей?

Мы киваем, и она уходит.

Я пью сок из очередной персиковой консервы, а Сентябрь готовит мне пасту и повидло, и я съедаю это, сидя на стойке. Сентябрь говорит, она не хочет, а я все еще такая голодная.

А еще что-нибудь есть?

Она цокает языком, но вскрывает новую консерву, на этот раз грушевую, и я съедаю все. Мне кажется, моя кожа обтягивает скелет, так что суставам больно, и она вот-вот разойдется на скулах.

Мы пересмотрели, наверное, раз в двадцатый, серию «33», без звука, так что герои открывали и закрывали рты, как немые. Это наш любимый сериал. Одно из ранних творений Января Харгрейв – нашего любимого режиссера – про двух женщин, патологоанатома и библиотечаршу – известных только по фамилиям. Хэдли и Белл расследуют странные происшествия в отдаленных местах, ходят на свидания с неправильными типами и по несколько раз за сезон умирают и возрождаются. Когда нам надоедает, мы смотрим передачи о природе. Нам нравятся ящерицы, рептилии, змеи, передвигающиеся по песку, приподняв голову и грудь. Нам нравятся мясные, плотоядные сцены, когда львы рвут газелей или леопарды ловят кого-нибудь, а потом развешивают туши на ветвях. Нам нравится спокойный голос Аттенборо, словно он держит под контролем все происходящее, и ни одно животное не шевельнется без его команды. Животные бегают и застывают, и плавают, и роют норы, и кормятся, и умирают. Мы тихо сидим на диване, дышим и перевариваем пищу, и чешемся, и греемся, а потом мерзнем.

Мне скучно, говорит Сентябрь, щипая меня за руку, отчего кожа тут же белеет.

Скучно только скучным, говорю я, передразнивая маму, и Сентябрь щипает сильнее, а потом показывает за мое плечо.

Давай наполним ее.

Я смотрю, куда она показывает. Там, на столе, где мы ее оставили, муравьиная ферма.

Она дырявая.

И что? Найдем немного изоленты. Давай. Поищи на кухне.

Я выдвигаю и задвигаю ящики, делая вид, что ищу. Я представляю, как ночью оттуда расползаются муравьи, и я просыпаюсь и чувствую, как они хрустят на простыни, подо мной. На холодильнике обойная лента, и там же стопка старых писем. Я стою и держу ее в руках, пока на кухню не заходит Сентябрь и берет у меня ленту.

Не хочешь?

Да.

Будет прикольно. Они строят свой дом. Ты знала, что раздавленный муравей выпускает феромоновую метку, которая включает у других муравьев поблизости боевой режим?

Она уселась на полу, держа муравьиную ферму между ног. Она заклеивает ее, а потом обрезает лишнюю ленту, чтобы было видно, что внутри. У меня зудит кожа, и я запускаю пальцы в волосы, чтобы не чесаться. Сентябрь водружает муравьиную ферму обратно на стол и повязывает мне шарф, засовывает мои руки в рукава маминого пальто и натягивает мне на ноги какие-то ботинки, которые стояли у двери. Тучи так и не выдали дождь, так что погода теплая и безветренная. Пахнет морской солью. Мы опускаемся на корточки у крыльца и копаемся в земле, вороша листья и распахивая торф. Мне попадают жук и тонкая полоска паутины. Сентябрь шарит у стены, передвигаясь вприсядку. Она говорит, здесь, похоже, водятся муравьи, но нам не попался ни один. Я догадываюсь, что она злится по тому, как она молотит языком во рту и свистит мне, чтобы я продолжала искать. Я нахожу еще несколько ржавых монет, пальцы становятся скользкими от грязи и растительного перегноя. Я хочу в дом, держать руки под краном; но я не могу уйти раньше сестры. Мы ищем, судя по всему, довольно долго. Сентябрь находит жука, который уже попадался мне, и, кряхтя, берет его и засовывает в ферму. Мы смотрим, как он там носится, стучась о стекло.

Это же не муравей, говорю я. Жуки вообще роют норы? Но она только опять щипает меня за руки и лягается. Когда она на меня зла, я не знаю, что мне с собой сделать.

Меня начинает подташнивать, и я присаживаюсь. У меня в уме целые предложения, но, когда я пытаюсь произнести их, слова задыхаются, моя голова дергается, и не выходит ни единого звука. Сентябрь кладет мне на лоб свою горячую ладонь, и я закрываю глаза, а когда открываю, она уже отстранилась, хотя ощущение ее ладони, слишком теплой, осталось на коже.

Сентябрь говорит: «Ты помнишь затмение?»

Мы встали пораньше, чтобы увидеть его. Мама приготовила нам завтрак – яичницу, хлеб, какой мы всегда едим, – и ушла работать на чердак. Нам было около одиннадцати. Прошлым вечером мы сделали коробку с дыркой, тщательно все измерив. Я порезалась канцелярским ножом и застыла как вкопанная, в ужасе, пока Сентябрь тоже не порезалась и не стала смеяться, показывая мне красные капли на полу.

В тот день я пообещала ей все, что только можно обещать.

Мы вынесли коробку на тротуар. Там люди шли на работу. Никто как будто, кроме нас, вообще не замечал происходящего. Мир был настолько слеп, что нам не верилось. Мы стояли на крыльце и смотрели, как свет закрывается темным кругом. Это было чем-то будоражащим и чудесным, и всю следующую неделю мне снилось, как затмение выедает мне глаза и просачивается в мою кровь.

Жжошно было, говорит Сентябрь, и я понимаю, что она имеет в виду тот момент, когда мы взяли друг дружку на слабо и, едва дыша, убрали коробку и устали в небо. Мы весь день проходили с отпечатком небесного светила на сетчатке наших глаз, и я думала, что это единственный раз, когда мы видим что-то настолько одинаково. Хотела бы я, чтобы так было всегда.

Нарисовался человек, настроить Интернет. У него обвислые брюки, и мы ему, похоже, не очень нравимся, даже когда приносим чашку чая с молоком длительного хранения из кладовки. Мы крутимся у телефонной линии, пока он корпит над ней.

Как это работает, спрашивает Сентябрь.

Как что работает? У него костлявая задница, как у козла, и жидкие волосы. Я думаю, что он напоминает одного персонажа из сериала Январь Харгрейв, и Сентябрь перехватывает мою мысль и фыркает. Мы здесь, похоже, можем лучше слышать друг друга. Мне интересно, это от того, что мы в том месте, где родился наш отец, а потом и Сентябрь? Здесь звуки комнат кажутся не похожими ни на какое другое место, где мы жили. Настройщик поглядывает на нас искоса, берет свой инструмент не той стороной.

Интернет, говорю я, и Сентябрь хихикает, зажимая рот ладонями.

Как работает Интернет? Он смотрит на нас, как на полоумных.

Да.

Полагаю, говорит он, передает радиочастоты между устройствами. Так годится?

Не думаю, что это правда, говорит Сентябрь. А я говорю: «Да».

Он поворачивается к нам, уперев руки в свои костлявые бедра. Ну так как? Да или нет.

Да, говорю я, в целом.

Запарка с маршрутизатором. Настройщик выходит из дома и говорит с кем-то по телефону, пряча лицо от солнца, которое уже садится. Мы глазеем на него через окно, а затем бросаемся рыться в его сумке, вытаскивая провода и зарядники, тыча в планшет, завалившийся на дно, нюхая пачку сигарет и термос с кофе. Меня вдруг охватывает такая нервозность, что отнимаются руки, и Сентябрь роется за нас двоих, зарываясь все глубже, распахивая вещи, молотя во рту языком. Мы слышим настройщика снаружи – как он переступает по неровной

земле. Сентябрь поворачивается и смотрит на меня, а затем кладет что-то себе в карман и тащит меня на кухню, там она открывает холодильник, и мы обе стоим и пьем в него. Настройщик окидывает нас взглядом.

«Хотите бобов? – говорит Сентябрь. – Сыра нет, но есть бобы в кладовке».

Не-а, говорит он и наклоняется над сумкой, чтобы что-то найти.

Мы косимся на него, шевеля губами, словно перешептываясь, открывая и закрывая холодильник. Я замечаю, как настройщик настороженно смотрит на нас, и отвожу взгляд, пока Сентябрь скалится в белозубой усмешке. Он нас по большому счету игнорирует, и нам становится скучно, так что мы валимся на диван и смотрим по телевизору серию Аттенборо, где обезьянка плывет через лес, удерживая над водой внимательные глаза. Должно быть, настройщику не понадобится то, что она взяла. Мне становится легче. Потом Сентябрь идет в ванную, закрывает дверь и открывает кран, и я понимаю, что она притворяется, что пользуется туалетом. Настройщик снова склоняется над сумкой со своими обвислыми брюками.

Вы что-нибудь брали отсюда? Говорит он.

Я прикусываю язык.

Вы меня слышали? Говорит он. Брали отсюда кабель?

Я качаю головой.

Он был здесь, когда я смотрел перед этим. Ну же, говорит он, распрямляясь. Не валяйте дурака. Слышите? Куда вы его дели? В холодильник. Красота. Ну хорошо.

Он идет на кухню и пялится в холодильник. Сентябрь открывает дверь ванной. Мы его не брали, говорит она громко, заглушая недовольное ворчание настройщика. Не брали, блин.

Красота, говорит он и смотрит на нас, засунув руки в карманы брюк и выставив вперед подбородок. Просто красота. Ну же. Завязывайте. Интернет вам нужен или как?

Интернет вам нужен или как, говорит Сентябрь. Она подтянулась, пальцы изогнуты точно когти, губы гадко кривятся.

Хватит уже, говорит он.

Хватит уже, говорит Сентябрь.

Он моргает на меня, прося о помощи. Я молчу. Он не понимает. Что он хочет, чтобы я сказала?

Я закончу за десять минут, если дадите. И пойду своей дорогой.

Пойду своей дорогой, говорит Сентябрь.

Боже.

Боже.

Я не могу уйти, пока не сделаю, говорит он и разводит руками.

Сделаю, говорит Сентябрь. Она широко щерится. Меня начинает мутить. Настройщик больше ничего не говорит. Он разводит и сводит руки, словно собираясь что-то сказать, но не говорит. Молчание слишком затягивается. Сентябрь опять уходит в ванную. Я пожимаю плечами, пытаюсь извиниться, чтобы Сентябрь этого не видел. Он выходит из дома, и я слышу, как он открывает свой фургончик. Ищет, думаю я, другой кабель.

Сентябрь сидит в пустой ванне, свесив руки по сторонам и закинув голову. Глаза у нее открыты, но зрачков не видно, одни белки.

Зачем ты это сделала? Говорю я.

А что? Говорит она.

Слышно, как настройщик вернулся и ходит по комнате. Я влезаю в пустую ванну, рядом с Сентябрь. Мы слушаем звуки дома и настройщика, проводящего Интернет. Сентябрь иногда шевелится или садится ровнее и осматривается, и я думаю, что она собирается выйти в комнату и снова взяться за него, загнать его в угол, как уже делала раньше. Но она остается в ванне,

поигрывая цепочкой с пробкой, улыбаясь мне изредка, словно намекая на общую шутку, и через некоторое время – довольно скоро – мы слышим звук отъезжающего фургончика.

Мне он не понравился, говорит Сентябрь. Не раздувай из мухи слона. Она выскакивает из ванны и идет в гостиную, напевая.

Наконец-то есть вай-фай, и – несмотря на все случившееся – Сентябрь издает радостный грай. Она открывает сразу пять вкладок, и мы слушаем альбом Дарси Льюис и прочесываем на гугл-картах этот район, пытаюсь вспомнить, за сколько мы добирались до пляжа, когда были здесь в прошлый раз. Есть маршрут через поле и вниз по склону, прямо к морю.

Думаешь, мы тут будем ходить в школу? Говорю я. Мы лежим голова к голове на ковре и шарим по ворсу, выискивая крошки. У Сентябрь голова костлявая, как у динозавра, а волосы пахнут грязью и дымом. Мы оставили тему с настройщиком, больше мы не будем говорить об этом, потому что Сентябрь не хочет.

Я так не думаю.

А у нас не будет неприятностей?

С кем?

На это я не знаю, что сказать. Мы столько смотрим телевизор, что у меня зудят глаза и начинает болеть голова. Сентябрь массирует мне череп, так сильно, что немного неприятно. Одновременно мы смотрим ноутбук, и голова от этого болит еще сильнее. У нас есть страницы на паре сайтов, но фото не наши, из Интернета. Часто мы притворяемся женщинами, хотя мы не женщины, и пишем мужчинам постарше, или они пишут нам; мы закрываем рот ладонями, чтобы мама не слышала, как мы смеемся, читая их словечки, глядя на фотки, что они присылают. Под конец дня мы разоблачаемся, словно фокусницы. Сентябрь говорит, мы малолетки или мы работаем в полиции под прикрытием. Мужчины удаляют свои аккаунты или пишут нам ужасные вещи, и Сентябрь просто обожает это. Она пишет им в ответ такие же гадости, а то и похуже. Она всегда заходит слишком далеко, а я должна притворяться, что смотрю, когда на самом деле думаю о другом. Нам нравится читать Реддит о телепередачах и фильмах, обсуждения героев и сюжетов. Нравится «Википедия», этот склад бесконечных знаний, разбухающий от фактов, ошибок и лжи, скрытых внутри правды. Прошлым летом мы помешались на компьютерных вирусах – извивающихся, гибких созданиях, разрастающихся или расползающихся постепенно, незаметно, месяцами и годами. Ходят слухи среди знающих инсайдеров о новом фильме Январь Харгрейв, и мы читаем их снова и снова, комментируем пару сообщений, прося больше информации.

Выйдем погулять?

Приятно быть весь день дома, говорит Сентябрь и потягивается так, что щелкают костяшки в запястьях. От нее не часто такое услышишь. В Оксфорде она была непоседа, ее вечно тянуло к реке поплавать или она ловила автобус и ехала на природу.

Здесь по-другому, говорит Сентябрь. В чем-то по-другому. Она придвигает лицо к моему и громко втягивает воздух, а потом говорит мне на ухо: «Ты помнишь?»

Что?

Я вспоминаю теннисный корт, размытый дождем, лившим весь день, громко барабана по стеклянной крыше на биологии, вспоминаю протекавшую крышу спортзала и мертвого барсука, и капюшон ее пальто, двигавшийся через грязный лес впереди меня.

У меня горит лицо в новом доме, воротник платья слишком жмет. Я поднимаю голову от ковра. В дальнем углу комнаты плавает миниатюрная модель дома, открытого, как один из тех безупречных кукольных домиков. Комнаты как органы, чуть дрожащие под напором крови. В одной из спален сидит у стола за работой крохотная копия мамы, с чашкой кофе у локтя. Двух-этажная кровать не заправлена, на ней валяются платья, которые мы примеряли. Кто-то лежит на нижней койке, кто-то с волосами, как у меня. Внизу наполняется ванна, почти переливаясь

через край, бурая от грязи. Сентябрь в кухне, стоит у открытого холодильника, на лицо ей падает свет, и Сентябрь также в ванной, и Сентябрь также на диване, ноутбук балансирует на ее крохотных коленках, глаза движутся по экрану, и Сентябрь также ползет по полу, крадучись.

Она придвигает рот к моему уху и что-то говорит, дыша мне в голову.

Что?

Ничего. Где ты была? Говорит Сентябрь.

Когда я моргаю, на веках остается послеобраз дома, как отпечаток затмения. Сколько сейчас времени?

Я не знаю. Четыре часа.

Мы сверяемся с электронными часами на плите. Без десяти восемь. За окном уже темнеет, а мы и не заметили. День утек между пальцев; часы проглочены залпом. Я снова хочу есть, но в кладовке, насколько я вижу, нет ничего аппетитного. Дом как печка, и когда я трогаю батарею, на руке у меня остается жгучая отметина. Мы топаем наверх, проверить бойлер, и видим, что тумблер обогрева повернут до максимума.

Думаешь, это оно? Говорит Сентябрь и принимается нажимать на все кнопки подряд и крутить все ручки, но ничего как будто не меняется. Что теперь делать?

Я качаю головой, и кровь в ней стучит синхронно с жаром, расходящимся по стенам. Мне бы хотелось постучать в мамину дверь, выманить ее, но я этого не предлагаю, пока Сентябрь сама не предложит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.